

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д29

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1218

Художник
М. Поповский

Делакруз А.

Д29 Варлорд. Темный пакт: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 409 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-3108-3

Удивительно знакомый и в то же время чужой мир. Мир, где не было Второй мировой, а в 2020 году высокотехнологичные армии корпораций спорят за мировое господство с владеющими магией аристократами.

Там ему было тридцать пять. Здесь нет и пятнадцати, зато проблем на все сто: ненависть неожиданных родственников, перечеркнутый ба-стардной перевязью герб, презрение окружающих и запретный дар, применение которого грозит смертной казнью...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Алекс Делакруз, 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3108-3

ГЛАВА 1

— Я умер? — вырвалось у меня, едва вынырнул из забытья и осмотрелся по сторонам.

— Непростой вопрос, — покачал головой незнакомец напротив.

На меня смотрел седой мужчина европейской внешности. Его стильная стрижка и полуофициальный деловой костюм совсем не соответствовали окружению — мы восседали за грубым деревянным столом в круглом зале каменной башни, за окнами которой виднелись звезды.

— Вопрос простой, как и варианты ответа, — сдержанно проговорил я, пока совершенно не понимая, как себя вести. И не понимая, что вообще происходит.

— Мне отвечать с эссенциальной точки зрения? Или экзистенциальной? Или вовсе начнем с вопроса «что есть сущее?», позволил себе покровительственную полуулыбку собеседник. — Чай, кофе? Может быть, что покрепче?

Проигнорировав вопрос, я осмотрелся по сторонам. Неплохой закидон сознания — включая удивительное видение в последние секунды жизни. Что со мной произошло — инсульт? Кирпич на голову упал? Или то, что я видел на последних секундах жизни, действительно произошло в реальности?

— Кирпич никогда и никому просто так на голову не падает, — усмехнулся странный незнакомец.

Услышав цитату, я сам улыбнулся шире, окончательно перестав обращать на собеседника внимание. Улыбнулся без веселья. Да, удивительный выверт сознания — оказаться в башне средневекового замка, наблюдая за окном пейзаж бескрайнего космоса. Еще и незнакомец этот — в пиджаке, потертых джинсах и кедах...

Где я сейчас? Все, уже на небесах? Или еще на больничной койке, увешанный датчиками? А может, так и лежу на грязном кафельном полу, где упал совсем недавно?

Незнакомец между тем пружинисто поднялся. Запахнув пиджак, он подошел ближе и протянул мне руку, так что я поднялся, отвечая на рукопожатие.

— Меня зовут Астерот, — произнес неожиданный собеседник.

Миг — и моя кисть оказалась словно в кипящем масле. Улыбка с лица Астерота исчезла, и он внимательно — даже оценивающе, смотрел на меня. Я старался не показывать боли, но чувствовал, как невольно дергается от напряжения щека — ощущение, что с руки пластами слезает кожа, а плоть отделяется от костей, словно хорошо проваренное мясо.

От неожиданного и странного собеседника исходила аура могущества и нечеловеческой силы. Любые мои действия сейчас: попытка вырваться или прописать ему левой в челюсть, обречены на неудачу — с необычайной четкостью, первобытным звериным чутьем, благодаря которому тысячи лет выживали мои предки, понял я. Кисть все сильнее терзала чудовищная боль беспощадного пламени, и только гордость не позволяла просить его прекратить.

— Предлагаю относиться серьезнее к разговору, — мягко сказал Астерот, — и не ставить под сомнение реальность происходящего. Договорились?

Он отпустил мою руку, и боль моментально пропала. Остался лишь пугающий фантом воспоминания.

— Договорились, — произнес я негромко.

— С реальностью происходящего разобрались. И поздравляю — второе испытание ты прошел.

«Уже второе?»

— Теперь с вопросом, — продолжал Астерот, — о судьбе твоей телесной оболочки. Там, где ты ее оставил, она пока жива. Твой дух — здесь, тоже жив. Точно не хочешь ничего выпить? — поинтересовался Астерот.

— Лучше перейдем к делу, — пожал я плечами, присаживаясь обратно. И только сейчас глянул на руку. Все в порядке, кожа здоровая, кисть целая — не обуглена и не дымится. Но при воспоминании о боли я вздрогнул и почувствовал, как по спине пробежал холодок. Несмотря на кажущуюся бредовость происходящего, мучительное испытание оказалось именно тем, что заставило меня безоговорочно поверить в реальность случившегося. Не зря люди просят их ущипнуть, чтобы проверить, снится им происходящее или нет: боль — лучшее подтверждение реальности.

— Важное уточнение. Если наш разговор не увенчается успехом, твое тело окажется мертво — уже окончательно. А твой дух отправится туда, куда и был направлен — в очень, очень плохое и недружелюбное место, — внимательно посмотрел на меня Астерот, изучая реакцию.

— Вопрос.

— Внимательно.

— От чего я умер? Там.

Астерот вдруг посмотрел на меня нечеловеческим, демоническим взглядом — отчего я невольно вздрогнул. Но почти сразу он моргнул, возвращая себе человеческий облик.

— Так это было на самом деле?

— Это было на самом деле, — покладисто кивнул собеседник. — Мы сейчас разговариваем с тобой потому, что в двух мирах причиной двух смертей была излишняя самоуверенность.

«Вот оно что. Излишняя самоуверенность», — дернул я щекой со злостью. И вспомнил события последних часов, которые привели к моей гибели. Началось все с того, что...

...уперев локоть в стол и положив подбородок на ладонь, с максимально возможной внимательностью я слушал директора департамента внутреннего контроля. Старательно при этом воспроизводя выражение лица Джина Уайлдера из мема «Ну давай, расскажи мне...».

Безопаснику, в недавнем прошлом прокурорскому работнику, выражение моего лица не нравилось, так что он с трудом сдерживался. Мне, в свою очередь, уже было не просто плевать — его искренние эмоции, вкупе со злобными ужимками, начинали забавлять все больше. Интересы к предмету разговора, да и вообще к происходящему, не было. Если сам собственник хочет потерять бизнес, доверившись такой команде эффективных управленцев, то могу лишь пожелать ему удачи на пути и сойти с этого веселого паровозика.

— Артур Сергеевич, что же вы молчите? — когда безопасник закончил обличительную речь, выразительно и недобро улыбаясь, заинтересовался исполнительный директор холдинга — он же двоюродный брат собственника.

— Ну а что ему говорить? — неприятным голосом произнесла Ангелина Владимировна, финансовый директор.

Эх, Ангелина Владимировна... Я отстраненно скользнул глазами по симпатичному лицу финансового директора — результату тщательной работы пластических хирургов. Невольно

взор спустился вниз, задержавшись взглядом на красном камне медальона в манящей ложбинке, открытой весьма смелым декольте делового костюма.

И ведь еще полгода назад она, обращая ко мне, говорила куда более приветливо — особенно во внерабочее время. Но за последние месяцы вся ее страсть и влечение совершенно неожиданно для меня трансформировались в жгучую ненависть, густо перемешанную с показательной неприязнью, отвращением даже.

Камень медальона Ангелины вдруг едва-едва запульсировал — в такт ударам сердца. Удивленно подняв глаза, я обомлел — на меня смотрели два темных провала, в которых алым светились два жгучих огонька. Столкнувшись с самым настоящим демоническим взглядом, я обомлел. Видимо, мое лицо изменилось — все присутствующие обернулись на финансового директора. Крепко зажмурившись, я сморгнул наваждение — и встретился с совершенно обычным взглядом холеной деловой леди.

«Это еще что на меня нашло?»

— Молчит, — между тем всплеснув руками, презрительно повторила финансовый директор холдинга, больше не являющаяся по совместительству моей любовницей. — И так понятно, что вся логистика у нас — дерьмо!

Исполнительный директор и безопасник покивали синхронно — как болванчики, и так же синхронно посмотрели на собственника, взглядами и короткими возгласами выражая полное согласие с позицией финансового директора.

«Вот это подача...» — мысленно удивился я, уже забыв об удивительной галлюцинации — мало ли что привидится терзаемому стрессом большого города менеджеру. Зато от меня не укрылось, как собственник поморщился, не прекращая пристально разглядывать свои ногти.

Несмотря на неожиданные галлюцинации, настроение становилось все лучше. Я не хотел идти на конфликт, честно — был план посидеть, покивать, а потом просто покинуть столь славную организацию. Без слов было понятно, что сейчас я ухожу в отпуск, из которого на рабочее место уже не вернусь. Но если они решили меня показательно размазать... Дерьмо, значит. Ладно, не я это начал — принялся было закипать, но моментально одернул себя. Спокойствие, только спокойствие.

— Ну тогда хоть скажите спасибо, что во всем этом дерьме прикрываю вас я! — конец фразы произнес отдельно и с вы-

ражением. Вот не смог удержаться — даже интонацию цитаты воспроизвел.

— Да ты что себе позволяешь, щ-щенок! — взвился безопасник. Он же, кстати, по совместительству — в недавнем прошлом сослуживец исполнительного директора холдинга.

— У-ух ты! — показательно ясным взором посмотрел я на безопасника. — Вы, значит, за старую псину будете?

Этого бывший прокурорский работник не выдержал и под грохот упавшего кресла вскочил на ноги — еще больше ярясь от моего насмешливого взгляда. За улыбкой я сам спрятал злость и даже ярость.

— Сядь... те, Анатолий Борисович, — поднял наконец взгляд от своих полированных ногтей собственник.

Безопасник кивнул, поднял кресло и присел — едва не во фронт вытянувшись. Не прекращая, впрочем, буравить меня взглядом, в котором мешались откровенная злоба и возмущение.

— Артур, — посмотрел на меня собственник, — будь добр, объяснись по существу.

— По существу чего?

— По существу доклада Анатолия Борисовича, — недовольно дернул губой собственник.

— Вы сами этот доклад читали? — По взгляду понял, что не читал. — Я пробовал и не вижу смысла обсуждать эту дичь, которая лишь для имбецилов годится.

— Ты... ты следи за языком, молокосос! — вновь взъярился безопасник.

Отвечать я ему не стал, только показал ладонь уточкой, демонстрируя бывшему государеву человеку свое к нему отношение. В ответ безопасник недвусмысленно выругался, намекая на физическое воздействие, на что я сам с улыбкой пообещал вскрыть ему лицо, уже не стесняясь в выражениях.

— Артур! — хлопнул ладонью по столу собственник, еще и позвав емким возгласом падшую женщину. — Ты доиграешься сейчас, — нахмурился он, не очень-то и испугав, впрочем.

Я доиграюсь? Дружище, да это у тебя уже с бизнесом серьезные проблемы! И почему только я доиграюсь — безопасник ведь первый начал?

Какая несправедливая избирательность.

— Валерий Евгеньевич, — спокойным голосом начал я, — сейчас лето, самый пик сезона, а мне сразу две аудиторские проверки залупили. Одна с аутсорса, ладно хоть грамотные ре-

бьята, а вот вторая — от собственной службы безопасности, там более печальная история. Скажите: это нормально?

Собственник, поджав губы, посмотрел на безопасника — в процессах он соображал достаточно и понимал, что в пик сезона грузить логистику аудитом, тем более параллельным, весьма спорное решение.

— Он ворует деньги компании! — не выдержал безопасник, приведя железобетонный, как ему казалось, аргумент. Зря он так — настолько на госслужбе привык в одни ворота играть?

— Смотрите, вот вы не только обзываетесь, показывая уровень своей культуры, но и пустыми обвинениями кидаетесь, — покачал я головой, — а я могу рассказать, за что вас из органов поперли, основываясь на реальных знаниях. За воровство в том числе — причем за беспардонно наглое. Мерить всех под свою гребенку — неправильный подход, Анатолий Борисович. Вот вы как думаете, Валерий Евгеньевич? — обернулся я к собственнику.

Безопасник примолк, покраснев как рак под внимательным взглядом удивленного собственника. Зато остальные двое загомонили возмущенно, рассказывая и показывая на толстую подшитую кипу бумаг на столе.

— Ну хорошо, доклад аудиторов с аутсорса на собрание почему-то не принесли, почитаем что есть, — взял я толстый документ и, пролистав с десяток страниц, открыл — будто бы случайно, в нужном месте. — Итак: «...получается, едут четыре наемных машины грузоподъемностью полторы тонны каждая. Итого четыре ходки, шесть тонн товара. Вопрос — почему мы не можем вызвать шеститонную фуру для доставки товара этих клиентов одной ходкой, сэкономив на оплате трех ходок наемных машин...»

Захлопнув доклад, я с показательной брезгливостью бросил его на стол.

— Клиенты с жестким ограничением по времени, доставка у всех строго с утра, иначе нас на штрафы выставят. И в центре города — вы представляете грузовой шарабан у Казанского собора, перегородивший Невский, чтобы две коробки в кафе выгрузить? В этой писульке подобной ересью каждая страница пропитана, причем этим пинкертонам — кивок на безопасника — все объяснялось на пальцах. Я этот детектив, — еще раз тронул пальцами доклад, — даже не дочитал, у меня кровь глазами хлынула. Анатолий Борисович! — с вызовом глянул я на бывшего прокурорского работника. — Вы теперь в бизнесе,

а здесь надо прикладывать хотя бы минимум интеллекта в работе, чтоб дураком не выглядеть.

Безопасник готов был меня убить прямо сейчас — по глазам заметно. Улыбнувшись, заговорщицки ему подмигнул. «Сделал гадость — весь день на сердце радость». Может быть, я энергетический вампир, но чужие, горящие по моей вине задницы всегда поднимали настроение.

Под возмущенный гомон собравшихся собственник — как и я ранее, двумя пальцами, — еще более нарушив душевное равновесие безопасника, взял толстый документ. Открыв, он начал бегло просматривать страницы.

— Но раз уж собрались, давайте по существу, — перешел я на деловой тон. — На мое место решили продвинуть нового человека. Он стажирется даже, отдел ему собственный выделили, коммерческих перевозок. Три месяца работает, расходы на отдел уже к миллиону, из которых половина — его зарплата. Выручка коммерческого отдела? Ноль целых, ноль десятых рубля. Кто же он, этот талантливый менеджер? Ваш младший сын? — посмотрел я в глаза исполнительному директору.

Старший сын которого, кстати, уже не менее успешно трудился в отделе продаж.

— Но ваш сын работает, ничего сказать не могу, клиентов ищет, даже в командировки ездит. В Москву! — выразительно поднял я палец вверх. — В интернете тоже ищет...

Исполнительный директор занервничал, увидев мое выражение лица. Но не догадался из-за чего.

— ...но ищет не клиентов и не заказы. По традиции моего департамента аййтишники каждый месяц предоставляют в общий доступ трафик всех работников. Лидеры запросов нашего дарования, который придет ставить логистику на ноги после меня, — проститутки Питера, проститутки Москвы. Надо же как-то время в командировках проводить...

Безопасник уже сидел красный как рак, исполнительный директор теперь от него особо не отличался.

— Господа, здесь частный капитал, не госкомпания — тут Аллах денег не дает, их зарабатывать надо. Но вы, видимо, этого не понимаете, — еще раз открыто улыбнулся я коллегам, всем видом показывая, что собираюсь откланяться.

— Артур, — попробовал меня остановить собственник, — не торопись.

— Да я не тороплюсь. Заявление напишу первым днем после отпуска, сегодня зайду в отдел кадров. — Хлопнув ладоня-

ми по столу, я все же поднялся. — Удачи вам с этими блаженными, Валерий Евгеньевич.

Насчет передачи дел даже не переживал — банда эффективных только рада будет поскорее от меня избавиться. По поводу возможных проблем тоже не беспокоился — холдинг работал в черно-белую, и меня проще с миром отпустить и забыть.

Так и спустился с управленческих небес четвертого офисного этажа на первый, где располагалось большинство кабинетов моего департамента. Оказавшись в коридоре, шел, размашисто открывая одну за другой двери и громко хлопая в ладоши, привлекая внимание. Из кабинетов выглядывали сотрудники, провожая меня недоуменными взглядами.

— Собрание! Общее собрание! — повысив голос, прокричал я на весь отдел.

— Когда, Артур Сергеевич? — спросил кто-то.

— Десять минут назад началось. Быстрее, быстрее, всех жду!

Еще раз похлопав в ладоши, прошел в центр помещения — по пути забрав из рук и положив на станции несколько трубок, а после кратко рассказал, что с организацией мне больше не по пути и это дело надо обмыть всем департаментом так, чтобы не стыдно было вспомнить. Озвучил экшн-план, назначил ответственных за организацию банкета, распределил задачи и бюджет, а после направился к себе в кабинет.

Заканчивать карьеру здесь было немного грустно, но, во-первых, я тут уже и так на одном месте засиделся. Во-вторых — были очень уж заманчивые планы на ближайший год — пусть все острова давным-давно открыты, на значительном большинстве из них я пока еще не был. Мне тридцать пять лет, а режим работы двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю утомил, честно. У меня за последние три — или четыре? — месяца даже нормального секса не было. Это вообще законно?

Кстати, о законном.

— Светик, чай сделаешь?

Секретарши у меня не было. Как правило, чай я мог соорудить себе и сам, но, когда встречал гостей или проводил совещание здесь, «на земле», а не в штатных переговорных, — просил помочь с кофе-чаем девчонок. Никто не отказывался, даже более того — пользуясь царящей у нас свободной атмосферой, постоянно слушал намеки о том, что мне не мешает

почаще прибегать к чужой помощи. Вот и сейчас воспользовался служебным положением — пока можно.

Когда Света принесла чай, подарив застенчивую улыбку, невольно проводил ее взглядом — задержавшись на обтянутых юбкой аппетитных бедрах.

— Артур Сергеевич, хотите тортика к чаю? — заглянула в кабинет Вика — так, чтобы я смог оценить ее обтягивающее красное платье. — У меня день рождения сегодня, я вот принесла.

«Нет, Вика, спасибо, я не ем тортики».

— Почему про день рождения я не знаю? Неси, конечно.

Озарив кабинет яркой улыбкой, Вика убежала за тортиком.

На работе никаких отношений, особенно с подчиненными — так гораздо проще существовать в корпоративном пространстве. Случай с финансовым директором не в счет — там я был просто поставлен перед фактом после одного из совещаний, оставшись с ней наедине в кабинете.

Но ведь я здесь уже, по сути, больше не работаю.

Остался только один вопрос: Света или Вика? Света, несмотря на юный возраст, удивительно грамотна в работе, зато в обычном общении напоминает трепетную лань. И гораздо ближе к тому типу, который мне нравится. Вика — роковая женщина, привлекательная опасной красотой. А еще у нее день рождения.

Это будет сложным решением.

Я себя недооценил. В десять вечера, заставляя воздух звенеть от смеха, мы укладывали в телегу не менее звенящие пакеты у кассы гипермаркета. Мы — это я, Вика и Света. Оставив девушек у входа ждать такси, я решил сбегать в уборную.

Белый кафель, нержавейка раковин и с гулким треском мигающий свет в пустом помещении — из шести или семи ламп работали только две. Но я справился даже без помощи фонарика и уже через минуту мыл руки.

— Черт! — не удержался я от возгласа и даже вздрогнул от неожиданности, когда увидел в зеркале за спиной чужое отражение.

Резко обернувшись, столкнулся взглядом с Ангелиной. Как она вообще здесь оказалась? Видимо, очень задело Ангелину Владимировну произошедшее, что аж здесь решила со мной поговорить. И ведь придется, судя по всему, отношения сейчас выяснять.

Отношения выяснять не пришлось. Ангелина шагнула вперед, закрывая глаза на несколько секунд. А когда открыла — я встретился с уже знакомым, так испугавшим меня на собрании демоническим взглядом. Изыщная рука с длинными ногтями — успел заметить красно-черный, в цвет глаз маникюр, метнулась к моему горлу. Удара не последовало — но в лицо мне была брошена фраза на незнакомом и грубом, по-настоящему чужом языке.

Грудь от плеча до пояса хлестнуло плетью невыносимой боли, взорвавшейся где-то внутри, но я застыл как изваяние, не в силах даже застонать. Рот едва-едва дергался, как у выброшенной на берег рыбы, тело стало ватным, абсолютно непослушным. Под черепом взорвался очаг боли, и появилось чувство, что мозг превратился в кипящую лаву и сейчас вместе с кровью выходит из носа, глаз, ушей.

— Закончить земной путь в загаженном сортире. Какая печальная судьба, — негромко проворковала Ангелина, мягко коснувшись моей щеки. — Но еще страшнее то, что ждет тебя впереди, малыш...

Прежде чем рухнуть перед ней на колени, я успел заметить раздвинувшиеся в хищной улыбке карминовые губы — обнажившие острые, нечеловеческой формы клыки. Когда падал на пол лицом вперед, с удивительной ясностью осознал, что все — я умер.

ГЛАВА 2

— Она не человек? — проговорил я.

— Она не человек, — подтвердил Астерот. — И благодаря ей ты сейчас здесь.

После этих слов я нешуточно напрягся и даже коротко глянул по сторонам. В голове словно вживую прозвучали слова демонессы, обещающей мне после смерти еще более страшную участь.

— На этот счет можешь не переживать, — заметив мое напряжение, успокаивающе произнес Астерот. — Убившая тебя тварь — одна из младших слуг моей жены, с которой мы сейчас... в состоянии раздела имущества.

Услышанное немного успокоило. Немного, потому как ничего просто так не делается. И если расположившийся напротив меня Астерот перехватил мою душу, значит, я ему для че-

го-то нужен. Причем явно не для того, чтобы угостить напитком в этом странном замковом зале. Как знать, не окажется ли уготованная им для меня роль страшнее того, что прочила демонесса?

В XVII веке, когда в британском флоте столкнулись с острой нехваткой матросов, преступникам часто ставили выбор — или тюрьма, или служба на парусном корабле. Умные люди без раздумий выбирали тюрьму — кормят вкуснее, условия содержания лучше, да и соседи по камере приличнее. Так что, может, вечное забвение будет гораздо лучше приготовленной для меня участи?

Демон напротив меня молчал, глядя с полуулыбкой. «Да он же читает мои мысли как открытую книгу...» — вдруг вспомнил я и успокоился.

— Испытания еще продолжаются или мне уже можно услышать вводную? — поинтересовался я.

— Информация о множественности миров для тебя откровением не будет, — ровным голосом проговорил Астерот. — Как и об измерениях каждого мира. Сейчас углубляться не буду — если ты справишься с задачей, мы сможем продолжить разговор на эту тему. К тому же лишняя информация тебе не нужна — от магистров-ментатов я смогу закрыть лишь малую часть твоего сознания.

Демон коротко взмахнул рукой, и над грубым столом возникла проекция планеты Земля.

— Твое измерение. Убившая тебя демонесса была слишком самоуверенна, поэтому я смог перехватить тебя прежде, чем ты оказался в... очень неприятном месте.

«Из-за самоуверенности демона», — прищурился я, глядя на Астерота. Я-то думал, что причиной смерти стала моя излишняя самоуверенность.

— В возникшей ситуации ты действовал в рамках своего мира, — произнес он в ответ на мои мысли и сделал еще одно короткое движение.

Изображение Земли раздвоилось, и теперь планет было две.

— Это также один из средних планов твоего мира. — На первый план вышла другая проекция планеты. — В этом слое находится небезразличный мне... человек, чья физическая оболочка неожиданно умерла. Мне нужно, чтобы ты вселился в его тело и прожил его жизнь.

— Его дух тоже умер? — после краткого раздумья задал я вопрос.

— Его дух возродится в твоём теле.

Воу. Зарабатывал на старость я, а тратить, значит, будет кто-то другой. Не такой жесткий обман, конечно, как у пенсионного фонда, но даже более обидный.

Астерот мягко пошевелил пальцами, масштаб проекции увеличился, приближаясь скачком, и вот я уже смотрю на панораму улицы. Изображение сфокусировалось на молодом художавом парнишке. Узкое скуластое лицо, модная причёска с деланным беспорядком волос. Школьник самый настоящий — выглядит не старше шестнадцати. Вот только смотрит на мир цепко, с хищным прищуром голубых глаз. По-взрослому смотрит.

— Ему четырнадцать, — подтвердил Астерот, — и он был излишне самоуверен.

— Если его дух не умер, как и мой... рокировка обязательна? — не мог не спросить я.

— Да. Я слишком упустил ситуацию в этом измерении, и сам он не справится — ему не хватит опыта и выдержки, а излишняя самоуверенность сослужит злую службу.

— Не справится с чем?

— Со своей жизнью. У него впереди не так много вариантов, среди которых ни одного хорошего. И ни одного, который бы меня устроил.

— В моем теле он справится? — кольнула меня забота об оставшейся там моей физической оболочке, с которой я, если честно, все еще воспринимал себя как одно целое.

— Думаю, что жизнь с двумя женами для него будет более трудным испытанием, чем убийство одной обиженной демоницы из нижнего плана, — усмехнулся Астерот.

Вот так вот. С двумя женами, значит. И на мои деньги, которые я пятнадцать лет зарабатывал. Информацию о двух женах я воспринял с долей обиды, но параллельно еще почувствовал облегчение после услышанного об убийстве демона. Туда милой Ангелине и дорога.

— Что предстоит мне в его теле?

— Долгий и непростой путь. Который, не скрою, будет сложно пройти — и твоя полная смерть будет считаться невыполнением нашего соглашения. Ты согласен?

Прямо передо мной в воздухе соткалось изображение листа контракта. Время вопросов прошло — я почувствовал это ин-

туитивно. Глянув в глаза Астерота, я понял, что каждый следующий вопрос может стать последним.

Вглядевшись в лист, внимательно прочитал контракт — благо текста не так много. Князь Астерот обязывался обеспечить перемещение моего духа в тело, избавляя от участи мученичества в геенне огненной, куда я был отправлен демонессой из нижнего плана бытия. Артур Волков обязывался прожить жизнь во вверенном ему теле, соблюдая законы божьи и человеческие так, как понимает их.

«Божьи и человеческие», значит», — мысленно усмехнулся я, вспомнив демонический взгляд Астерота.

— Я согласен.

Неожиданно на изображении листа бумаги, в нижнем правом углу, возникла огненная линия, расчерчивая мою подпись. Вот так вот, подписал контракт с дьяволом.

— Не с дьяволом. Если использовать привычную тебе систему координат, то с архидемоном. — Улыбка у Астерота вышла такой, что у меня по спине мурашки пробежали.

Впрочем, собеседник почти сразу вернул себе человеческий вид, так что пугающая на подсознательном уровне аура пропала. Короткий жест и замершее изображение с парнишкой уменьшилось, и я теперь вновь смотрел на изображение планеты. Вот только сейчас отображалась политическая карта мира.

— Развитие этого измерения пошло по другому пути с тысяча девятисотого года, — начал говорить Астерот. Я же в это время внимательно рассматривал карту, и архидемон, увидев мой нескрываемый интерес, сделал паузу.

Зеленый цвет. Российская Конфедерация, причем раскрашенная разными тонами — с ярко-выраженной территорией метрополии и явно обособленными участками, вероятно, автономными территориями в европейской части, а также на Дальнем и Среднем Востоке. Оу, и Япония в составе. Неожиданно.

Красный цвет. Британская империя. Сам остров и многочисленные сохранившиеся колонии — Индия, Канада, Австралия, анклавы на Ближнем и Среднем Востоке, значительные владения в Африке. И надо же — территория Канады увеличилась, занимая почти все Восточное побережье Северной Америки. Герцогство Калифорния под эгидой британской короны. Сильно.

Голубой цвет. Трансатлантическое содружество. Испания, Франция и США — территория которых была значительно купирована, без Восточного побережья и Техаса. Кроме того, американо-франко-испанский союз контролировал Западную Африку и страны Магриба — бывшие французские колонии, а также часть Латинской Америки.

Темно-синий цвет. Европейский союз. Германия, Италия, Австрия, Богемия, Венгрия, страны Бенилюкса и Скандинавия. Почти как в нашем мире, за исключением Франции, Испании и Польши. Зато в этом мире ЕС прирос территориями Турции и Палестины.

Азия и Африка напоминали лоскутное одеяло. Кроме территорий Большой четверки и более-менее привычных очертаний национальных государств из моего мира часто присутствовал серо-стальной цвет.

«Территория, находящаяся вне юрисдикции Организации Объединенных Наций», — присмотрелся я. Это еще что за зверь? Неужто корпорации?

Широкая серо-стальная полоса территорий, кстати, ограждала Европейский союз от Российской Конфедерации. Балканы, Румыния, часть привычной Польши. Которая, кстати, потеряв в одном месте, приросла в другом — в этом измерении включая Прибалтику и называясь Речью Посполитой. Практически Великопольша от моря до моря, как им предки и завещали, — только на минималках.

— По другому пути это измерение твоего мира пошло в тысяча девятисотом году, с появлением на свет первого одаренного. Но за точку бифуркации — развилку, можно взять тысяча девятьсот шестнадцатый год. Княгиня Фредерика фон Валленштайн, дева пятнадцати лет от роду, уничтожившая файерболом в битве на реке Сомме английский танк «Марк-1». На тот момент Фредерика была не самой лучшей и не самой сильной одаренной, но именно ее имя осталось в истории. В шестнадцатом году на фронтах войны у Антанты было техническое превосходство, перевес сил и стратегическая инициатива, а у Тройственного союза — одаренные. После применения магии Первая мировая война превратилась в битву богов и титанов — и если до этого война велась за право владеть миром, то после шестнадцатого года началась война за самовыживание. Центральная Европа была превращена в выжженные земли, а война закончилась в тысяча девятьсот двадцать третьем году. Победителей в привычном смысле в ней не было.

Англия, Россия и Франция были готовы заплатить огромную цену за победу над Германией и Австро-Венгрией, где появились одаренные. Австро-Венгрия и Германия же предпочли почетный проигрыш полному уничтожению. Несмотря на более продолжительный и жестокий конфликт, ни одна империя после Первой мировой не погибла столь разрушительно, как в твоем варианте. Российская устояла на краю пропасти, образовавшись в Конфедерацию, а Австро-Венгрия, Германская и Османская стали сооснователями Европейского союза, потеряв в территории и влиянии. Самый главный результат мирового соглашения — по итогам войны Англия, Россия и Франция получили своих одаренных.

Он помолчал.

— Из-за возникновения Европейского союза на сорок лет раньше Второй мировой в этом измерении не случилось. Поэтому экономика США — единственного ее бенефициара в твоем измерении, не получила так необходимый ей трамплин. Экономический кризис, поддерживаемое англичанами восстание латиноамериканцев на юге, франко-канадский конфликт и битва за Техас подкосили Штаты. Так что в этом измерении в Северной Америке дела лишь чуть лучше, чем в Африке или Китае, где империи и корпорации в открытую ведут борьбу за ресурсы. В Трансатлантический союз Соединенные Штаты вступили совсем недавно, и на правах младшего партнера. Несмотря на неслучившуюся Вторую мировую, локальные конфликты не прекращались по всему миру. Вошедшие в силу одаренные — страшный противник на поле боя, но даже они могут отступить перед большими или подготовленными подразделениями — так что наука и техника развивались гораздо быстрее, чем в твоем измерении. Именно из-за наличия магии, в поисках способа ей противостоять, техника ушла далеко вперед от уровня твоего мира. В то же время из-за отсутствия глобальных конфликтов и войны на уничтожение уровень жизни в Большой четверке покажется тебе непривычно высоким. Многие обыватели первого мира не знают не только лишений, но и забот — у них есть постоянный безусловный доход и возможность очень долгой и здоровой жизни. Без разрушительной Второй мировой войны и ее вынесенных на другие континенты разборок между сильными уже в шестидесятых годах двадцатого века уровень жизни первого мира достиг уровня двадцать первого века твоего измерения, а сейчас дале-

ко опережает. Но война всегда требует жертв, и это послужило толчком к развитию генетики и евгеники.

— Создание сверхчеловека?

— Не совсем. Эволюция человека. Если в твоём измерении нацисты озвучили цель избавиться от худших грубым способом, то в этом слое мирового пугала не возникло, а Европейский союз, вышедший из Первой мировой пусть почетным, но проигравшим, работал с другой стороны — не уничтожая, а улучшая. Но кроме изменения генетического кода был создан новый вид.

— Неосапианты, — пробормотал я невольно, вспомнив старый мультик.

— Неосапианты, — поправил меня Астерот. — Искусственно выращенные неандертальцы, усиленные разного рода имплантатами. Именно они, являясь ограниченно разумными, составляют основу всех штурмовых подразделений и частей, предназначенных для противостояния одаренным.

Не обращая внимания на мое нескрываемое удивление, Астерот продолжал:

— Кроме того, в этом измерении не было слома колониальной системы и борьбы за всеобщее равенство под знаком гуманизма. Поэтому жестокость окружающего мира может тебя шокировать, будь к этому готов. В этом измерении много контрастов — от беззаботных обитателей рая, которые не знают, что такое лишения, до жителей второго и третьего миров, чья жизнь ничего не стоит, а «правосудие для всех» — лишь насмешка сильных. Здесь всеобщие права человека подразумевают лишь права человека из первого мира. Перед смертью у тебя будет некоторое время, чтобы познакомиться со своим новым телом и некоторыми реалиями мира. Это все, что сейчас я могу для тебя сделать. Удачи.

— Перед какой смертью? — только и успел выговорить я.

Миг в тягучей серой пелене, растянувшийся во времени и пространстве, рывок — и я вдруг осознал себя сидящим на стуле в кабинете напротив холеной, очень неприятного вида женщины.

— Как он погиб? — произнес я чужими губами.

Произнес я. На английском. Но это были не мои слова — я оказался в чужом теле. Причем в роли наблюдателя, бесплотного духа. Очень страшное и пугающее чувство бессилия — как в воплотившемся в реальность кошмаре.

Тот, в чьем теле я был, посмотрел на полицейского рядом. Сержант Ольгерд, сидевший на самом краешке гостевого кресла директорского кабинета, опустил взгляд. Чувствовал он себя неуютно и что сказать, не знал. Тот, в чьем теле я был, перевел взгляд на директора. Майя Александровна, сухошавая женщина с неестественно прямой спиной, знала, что сказать. И неудобства, как напарник отца, никакого не ощущала.

Осознание происходящего появлялось из глубин памяти. Не моей памяти — нынешнего владельца тела. Я видел и чувствовал его мысли, а он, судя по всему, даже не догадывался о моем присутствии. Или не замечал, ошарашенный ужасной новостью.

— Олег, я понимаю твою горе и, поверь, искренне и глубоко ему сочувствую. До конца недели я освобождаю тебя от занятий. Указание подготовить соответствующее распоряжение дам сейчас же. — Лишенный всяческих эмоций голос директора центра образовательной подготовки был так же сух, как и она сама.

Еще не до конца осознав происходящее, Олег снова перевел взгляд на напарника отца.

— Как его убили? Когда?

Сержант снова опустил взгляд, поведя неестественно широкими — в стандартном облачении патрульного, плечами. Вздохнув, он открыл было рот, но директор опередила:

— Господин сержант, не могли бы вы довезти юношу домой? Если нет, я сейчас вызову ему такси.

— Да. Могу.

Заметно было, что простые ответы на простые вопросы давались сержанту Ольгерду сейчас гораздо легче.

— Тогда не смею больше вас задерживать. Олег, еще раз прими мои глубочайшие соболезнования, я скорблю вместе с тобой.

Облегченно вздохнув и тут же смутившись от этого, напарник отца торопливо поднялся, громко захрустев сочленениями брони. Я в чужом теле тоже машинально встал, машинально кивнул, машинально двинулся к выходу на ватных ногах. Невероятное ощущение. Я сживался с телом, чувствовал его, но оно мне не принадлежало — я просто не мог влиять на происходящее.

Коридор был пуст, гулкие тяжелые шаги сержанта отдавались эхом. Шагая, Олег невидящим взглядом смотрел перед собой, смагивая настырные слезы.

«Рано или поздно это обязательно случится. Ты знаешь, что должен делать. И помни — в жизни рассчитывай всегда на самый худший вариант, так будет гораздо легче со всем справиться, а победы окажутся легче», — возник перед внутренним взором молодой мужчина в черной форме полицейского. Широкие скулы, короткие светлые волосы — худощавый паренек почти его копия. Взгляд спокойный и удивительно грустный. Как у того, кто понял жизнь. Воспоминание произвело впечатление не только на меня — Олег сжал зубы, расправил плечи и спрятал эмоции под маской невозмутимости.

Миновав пустые — время занятий — коридоры подготовительного центра, я (мы) с гремящим позади сочленениями доспехов сержантом вышли на улицу. Патрульный автомобиль был припаркован совсем рядом с широким крыльцом. Не глядя на провожатого, Олег сел на пассажирское сиденье и устроился в окно.

— Восточный район, второй квартал, строение двадцать девять. — Адрес напарник отца знал.

Двигатель мягко завелся, и автомобиль двинулся с места. Двинулась и метка на маршруте, отображенном в проекции на лобовое стекло. Почти сразу исчезла позади зелень парка с белым забором образовательного центра, и патрульная машина проехала к КПП на административной границе районов. Ее пересекли без остановки — сержант лишь включил на пару мгновений сирену и, переведя управление в ручной режим, объехал куцую очередь в пять машин.

Картина за окном сразу разительно изменилась — на смену заборам со спрятавшимися за ними аккуратными особняками пришла равномерная нарезка улиц и серо-бетонные свечи однотипных домов. На улицах то и дело встречались прогуливающиеся люди. Восточный район был русскоязычным, являясь достаточно благополучным — с обязательным условием положительного социального рейтинга адаптации для возможности проживания. Согласно статистике, не более двенадцати процентов населения Восточного жили на гарантированное пособие, и днем тут, в отличие от других окраин Высокого Града, можно было передвигаться практически без опасения за свою жизнь.

Миновав два квартала безликого муравейника высоток, патрульная машина подъехала к одной из них. Когда машина остановилась у нужного дома и система навигации оповестила

о прибытии, молчавший весь путь Олег посмотрел на напарника отца:

— Мистер Ольгерд, как это случилось? Когда?

Напарник еще раз громко сглотнул.

— Олег, кхм... — замялся Ольгерд, но потом заговорил мерзким дежурным тоном: — Все подробности запрещены к разглашению в связи с проведением внутреннего расследования по произошедшему... инциденту. Организацию похорон возьмет на себя служба патрульной полиции, все подробности узнаешь, как только будут завершены следственные действия. С тобой обязательно свяжутся в ближайшее время.

Олег не сдержался — презрительно дернул щекой, отчего Ольгерд невольно вздрогнул. Исподлобья глянув на замявшегося сержанта, Олег кивнул и вышел из машины. Поднявшись в квартиру, он, едва закрыв за собой дверь, отбросил маску невозмутимости, по-звериному закричал, завыл, выплескивая всю свою тоску и боль. Мне было при этом очень неловко — я невольно стал свидетелем очень личного, причем не мог уйти в другую комнату или переключить канал.

Прокричавшись, выплескивая в вое и рыданиях боль потери, парень кое-как взял себя в руки. Забившись в угол, он поднял левую руку и легким нажатием активировал меню личного кабинета. «Да, победивший киберпанк», — думал я, глядя на возникшую прямо в воздухе проекцию.

Выйдя в сеть, Олег зашел на новостной портал территории Вольнского протектората. Нигде упоминания о гибели полицейских, тем более в элитном районе Града, не было. Просмотрев всю ленту новостей за минувшие сутки и не увидев искомого, Олег вышел из Сети.

Забившись в угол, он долго плакал, уткнувшись лицом в колени. Чуть погодя, перебравшись на кровать, парень провалился в забытье, время от времени выныривая и снова засыпая с отголоском отчаянной надежды на чудо — разбитая ваза склеится, мама найдется, а отец вернется со смены.

Проснувшись вечером, Олег бесцельно побродил по комнате и остановился у окна, вглядываясь в вечерние сумерки. Квартира была на последнем, двенадцатом этаже, и из окна открывался неплохой вид. Дом стоял на перекрестке двух основных магистральных проспектов. Проспект Вишневецкого, проходя через весь Восточный район, уходил в Южные кварталы. Там было темно — в прямом и переносном смысле. Редкие фонари заканчивались на границе районов, и за КПП царила

тьма, разбавленная лишь парочкой подсвеченных линий на-земки да яркими оазисами света на высоте. Немногие в Южных могли себе позволить оплачивать счета за освещение, а те, кто мог, обитали как можно выше от земли, занимая целые этажи зданий.

Проспект Валленштайн прямой широкой лентой уходил в сторону Центральных кварталов, прямо на гору, давшую название молодому городу. Там света было несоизмеримо больше — холмистая местность сияла многочисленными лентами монорельсов, уличной иллюминацией, подсветкой особняков. На самой горе и вовсе сверкало буйство красок — сегодня там проходило сразу несколько крупных ивентов, в том числе международный конкурс певцов ртом. Там сейчас должен был быть его отец — обеспечивать охрану правопорядка... Подумав об этом, Олег заскрипел зубами.

Я по-прежнему находился в роли стороннего наблюдателя с ограниченным доступом — чувствуя эмоции и осознавая мысли паренька. Олег же размышлял о том, что вчера ночью у отца точно была не левая подработка: он сам сказал вечером, что попросили подменить. Согласился отец с удовольствием, смена предстояла хорошая — патрулирование на Горе, синекура; знай сдерживай зевету да любуйся с завистью на особняки администрации комиссариата и усадьбы аристо.

Раз смена числилась официальной — а не одна из частых полулегальных подработок в арабском гетто, значит, погиб отец при исполнении. И патрульная служба не только возьмет на себя все затраты по организации похорон, но и до грядущего совершеннолетия будет перечислять Олегу пособие по утере кормильца. Сумма небольшая, всего двести кредитов в месяц, но этого хватит на оплату аренды квартиры здесь, в Восточном районе. Переезжать в более неблагополучные районы желания у Олега не было совершенно — элементарно опасно для жизни и здоровья.

Справившись с эмоциями и горечью утраты, Олег начал прикидывать расходы. Аренда квартиры — сто шестьдесят кредитов в месяц. Обязательная оплата Сети — еще пятнадцать плюс пятнадцать — вирт. Остается десять кредитов, которых в месяц на еду никак не хватит, даже если питаться только порошковыми сублиматами. Десять кредитов в месяц даже на качественную воду не хватит.

До окончания обучения в высшей школе образовательного центра оставалось пять полных месяцев. Один месяц обучения

стоил триста пятьдесят кредитов плюс еще пятьдесят — на оплату обязательных дополнительных занятий. Сто пятьдесят кредитов — пять месяцев оплаты проезда. Минимум сотня — на еду. Две тысячи двести пятьдесят кредитов. И заработать их он сейчас легальными способами не может. Вся его подработка в вирте — буст нубов на Арене, могла принести не больше пары сотен кредитов в месяц, и то если из капсулы не вылезать. А если не вылезать из вирта, то вниз поползет рейтинг социальной адаптации, что совершенно нежелательно для завершения обучения.

У отца были деньги. Много — Олег знал об этом. Но доступ к его счетам он может получить не раньше первого совершеннолетия, после пятнадцатилетия — через полгода. А эти полгода надо как-то прожить.

Олег вздохнул, придя к неутешительному выводу — придется распродаваться. А также придется забыть про дополнительные занятия, доступ к обучающим сетям и занятия в тренажерном центре Охранного корпуса по специальной программе. Еще раз прокрутив в уме варианты, Олег смирился с продажей накопленного за пять лет на Арене имущества. На два месяца поддержания необходимого минимума от привычной жизни хватит, а за это время он что-нибудь придумает.

Быстро, будто боясь передумать, Олег жестом активировал проекцию меню личного терминала. И тут же вздрогнул всем телом и шепотом выругался, вместо привычного меню увидев оповещение:

Ваш аккаунт и личный кабинет гражданина ограниченно заблокирован, доступ к операциям закрыт. Оставайтесь по месту регистрации и ждите прибытия представителя службы социальной адаптации.

ГЛАВА 3

Доступ к счетам заблокирован, к подтвержденному аккаунту в социальных сетях — заблокирован. Чувствуя, как сильно дрожат руки, Олег на ватных ногах дошел до кровати.

Вот так вот. «Всегда рассчитывай только на худшее», — вновь прозвучали слова погибшего отца. Я только поразился его проницательности — паренек уже распланировал все на полгода вперед, а тут такая подстава.

Несмотря на ошарашившее оповещение, Олег не потерял присутствия духа. Парень открыл тумбочку и достал небольшой плоский блок, похожий на внешний хард. Путем сложных манипуляций с личным терминалом отодвинул его в сторону. Потом из открывшегося вживленного под кожу чипа достал провод с разъемом и подключил его к загадочному плоскому блоку.

Минута ожидания, и в воздухе вновь возникла проекция. Выглядела просто и функционально — собранные из крупных пикселей слова, древний вид меню. Несколько движений, и Олег активировал состояние «сон».

Я наблюдал за происходящим с удивлением, а Олег в это время достал из тумбочки очки, внешне похожие на стрелковые. Надевая, он коснулся концов дужек так, что те почти сразу превратились в тонкий обруч, смыкающийся на затылке. Олег не убирал пальцев, пока не раздался короткий звуковой сигнал — очки начали интегрироваться, подстраиваясь под его Сеть.

Подобные очки с проекцией дополненной реальности и интегрированной обманкой стоили серьезных денег на черном рынке, вот только благодаря отцу Олегу они достались бесплатно. Проблема приобретения состояла не столько в стоимости, сколько в возможности найти. После того как очки дополненной реальности начали массово заменяться имплантами в сетчатке или, как у большинства населения Территории, проекционными контактными линзами, подобные очки постепенно уходили в небытие, как когда-то исчезли смартфоны. Уходили в небытие в благополучных районах — население тех же Южных кварталов поголовно ходило в подобных — без обманок, естественно. Публике с отрицательным социальным рейтингом не то что импланты, обычные линзы были не по карману — не предусмотрены уровнем социального пакета.

Для Олега с его регистрацией личного ай-ди на линзы использование очков, тем более с обманкой, было незаконным поступком — за это грозил штраф и административное взыскание с падением социального рейтинга, но что еще хуже — несмываемое пятно в личном деле. Но парня сейчас это не сильно волновало — потому что, насколько я понял по эмоциям, делал он подобное далеко не в первый раз. И сейчас ему было очень важно узнать причину блокировки собственного аккаунта.

Все мысли парня буквально занимало возмущение — отец! погиб! при исполнении! В этом случае не должно быть блокировки личного ай-ди и аккаунтов, и тем более — указания оставаться по месту регистрации и дожидаться социалов.

Совсем скоро Олег еще один раз услышал мелодичный сигнал, сообщивший о готовности девайса к работе. Все, теперь — с включенной обманкой — для всего информационного пространства он спал. Если целенаправленно искать будут, сильно не поможет, но кому он нужен сейчас, чтобы целенаправленно его ай-ди отслеживать?

Завтра утром прибудет соцработник и проводит его в Южные кварталы, в приют или интернат — в зависимости от покрытия страховки. Ограниченная блокировка подразумевала домашний арест — и до утра у Олега было время для того, чтобы попробовать узнать, что же все-таки случилось, и попробовать избежать отправки в гетто.

Совершив еще несколько манипуляций, Олег вновь активировал личный терминал, но теперь вошел в Сеть уже под левым аккаунтом, зарегистрированным на одного из жителей Южного гетто. Функционал у этой личной учетки был ограниченным, но доступ к новостям имелся.

На местных порталах все было пусто. Но так не бывает: когда погибают полицейские и об этом нет никакой информации вообще. Олег открыл уже десяток вкладок и вскоре нашел искомое — на русских сайтах. Затаив дыхание, с учащенно бьющимся сердцем, парень вчитался в одну из проходных, не вызвавших особого интереса у конфедератов новостей на желтом сайте:

ШОК! Наследник княжеского рода Юсуповых причастен к гибели пяти патрульных полицейских Волинского протектората!

Ранним утром четверга Высокий Град всколыхнула трагическая весть — во время патрулирования Центрального района уничтожены пять силовиков: трое полицейских и двое бойцов Охранного корпуса. Но стоило только информации начать распространяться, как вступили в работу цензоры и все имеющиеся о происшествии сведения исчезли из информационного поля. Несмотря на завесу тайны над происшествием, нашему изданию удалось добыть больше сведений.

В Градской страже сообщили, что сотрудники полиции погибли от руки юного князя Юсупова, Андрея Яковлевича, кото-

рый якобы возвращался в принадлежащий дипломатической миссии Российской Конфедерации особняк с приема у генерал-протектора Вольнской территории Станислава Каминского. Происходил вояж юного князя после полуночи, и, по мнению полицейских, аристократ вел себя подозрительно. Полицейские попытались применить силу и задержать наследника княжеского рода Юсуповых. Итог оказался печален — машина патрульных уничтожена и причинен значительный ущерб городской собственности. Сам его сиятельство от комментариев отказался, как и пресс-служба княжеского рода.

Есть основание предполагать, что в случившемся виновны сами так называемые правоохранители — во время патрулирования элитного района превысившие свои полномочия: проверенный источник в Градской страже сообщил нашему изданию при условии анонимности, что прорабатывается в том числе версия, что сотрудники служб правопорядка пытались ограбить принадлежащий дипмиссии особняк. Якобы операция давно была ими спланирована, и лишь неожиданное появление его сиятельства Юсупова, который воспользовался гостевым домом, нарушило планы недобросовестных правоохранителей...

После того как Олег прочитал часть текста, случилось что-то странное и страшное.

Словно темные щупальца метнулись вокруг, окрашивая мир в серые цвета, а из утробы паренька раздалось самое настоящее рычание. Это не было безумием — хуже: скорее холодная всепоглощающая ярость. Усилием воли парень справился с собой, сжав кулаки так, что ногти впились в кожу.

Я не слишком представлял реалии этого мира. Но даже мне информация о том, что группа полицейских решила ограбить особняк, в котором случайно оказался возвращающийся с приема князь, казалась натянутой, как сова на глобус. А посмотрев несколько размытых фотографий с места событий — превращенную в обуглившуюся железку патрульную машину на площади, я согласился с глотающим слезы парнем — вряд ли это было ограбление.

Вероятно, его сиятельство решил побузить на улице, а несколько холопов в форме сделали попытку его урезонить. Деньги у рода Юсуповых наверняка водятся — поэтому ущерб муниципалитета они покроют, как моральный, так и материальный. Думаю, что и начальнику Градской стражи, откревстившемуся от своих сотрудников, тоже хватит.

Несколько минут потребовалось Олегу, чтобы прийти в себя. После этого я увидел еще один уровень интернета, по исполнению и наполнению весьма похожий на наш даркнет. Работал он так же значительно медленнее, чем легальная сеть, но вскоре Олег нашел обсуждение произошедшего. Комментариев было достаточно, самых разных, но общая картина становилась понятна. «Псы» — как здесь называли полицейских, прибыли на вызов в ресторан, где немного побуянил юный наследник, рассорившийся со своей спутницей. Дело дошло до рукоприкладства, полицейские пытались попробовать решить дело миром. По словам очевидца, только один из них, когда вокруг заплясало огненное торнадо, успел достать оружие.

Олег жадно вчитывался в комментарии, пытаясь восстановить картину произошедшего. За это время, уже в который раз, в углу экрана появилось оповещение о сообщении. Я уловил краем мысли паренька — об этом аккаунте знали немногие, и опять же немногие могли вообще ему сюда написать.

Стараясь сдерживать слезы, парень несколько раз глубоко выдохнул, стараясь принять обычный вид. Собравшись с силами и натянув маску невозмутимости, он ответил на сообщение.

— И куда пропал? — проекция широкого и располагающего румяного лица появилась перед глазами.

Выражение лица у Степана всегда было чуть удивленным — что вкупе со сметанными щечками и чмокающим разрезом губ придавало ему вид добродушного и неуклюжего увальня. Вот только купиться на его внешность могли только те, кто совсем Степана не знал.

На вопрос друга-напарника Олег не ответил, просто пожал плечами. Говорить сейчас что-либо не хотелось. Даже Степе.

— Олега, тема есть: бабля срубить по-легкому.

Парень снова промолчал. Лишь дернул вопросительно подбородком.

— Триста минимум, — продемонстрировал Степа широкую улыбку. Несмотря на ямочки на его пухлых щеках, выглядела она по-настоящему хищной.

— Каждому?

— Каждому.

— И как можно заработать триста кредитов по-легкому?

— Можно и больше, дружище. Гораздо больше. Ты вписываешься?

— Подробности?

— Надо жизнь показать двум инфантилам.

Олег лишь дежурно хмыкнул.

Триста кредитов — хорошие деньги. Но риск — когда наложено ограничение по перемещению, неоправданно велик. В то же время он и так уже ограничен, к тому же попал в прицел адаптантов — а это практически приговор. Надежда только одна: работающие в службе адаптации специалисты — как привратники ада или рая: могут впустить, а могут и выпустить. Могут сломать жизнь, а могут поднять ее на недосягаемую — для обитателей социального дна — высоту. Нужны лишь деньги, и свободные от учета триста кредитов на руках лишними точно не будут. К тому же они могут помочь найти заинтересованного человека, который за долю в отцовских накоплениях попробует вытащить его счет из блокировки раньше, чем наступит совершеннолетие Олега. Шанс призрачный, но все же...

— Олега, ты чего завис? Ты в теме?

— Да.

— Через два часа, «На углу». Валеру не забудь.

Почему свой древний, кургузый «Глок-17» отец называл Валерой, он никогда не говорил. Олег не спрашивал, чтобышний раз не привлечь внимание — пистолет он уже брал с собой несколько раз, и все время по просьбе Степы. Несколько раз брал без спроса, а вот на стрельбище, в том числе и с этим «глоком», они с отцом катались регулярно.

Пистолет спрятался в поясной кобуре, сдвинутой назад и скрытой широкой толстовкой, а нож уместился в ножнах на голени. Накинув капюшон, Олег вышел на улицу. Через полчаса он уже сидел в небольшом кафе «На углу», попивая чай. Забегаловка была расположена у самой границы второго квартала и Южных. Здесь постоянно паслась колоритная публика — патрульные, таксисты, сутенеры, проводники.

Сейчас посетителей было чуть больше, чем обычно. Только заметив это, Олег понял, что связано это с песенным конкурсом, на который в Высокий Град съехалось достаточно народа с материка — как называли здесь Европу первого мира. Поэтому именно в эти несколько дней возможности заработка вырастали в разы — кроме обычных посетителей, знающих маршруты с расценками, на Территорию съезжалось в поисках впечатлений стадо непуганых идиотов, как называл подобных пассажиров Степан.

Волинский протекторат представлял собой часть бывшей территории Польши, о принадлежности которой во время второго раздела, в начале восьмидесятых годов, не смогли договориться Речь Посполитая и Российская Конфедерация. Сам же прецедент протекторатов был создан раньше — при решении иммиграционного кризиса. И так как каждое государство в то время взяло на себя обязательства, то именно эта территория совместным решением польского и российского правительств была выведена из-под эгиды ООН и отдана корпорациям, силами которых иммиграционный кризис и преодолевался.

Будучи созданными по образу и подобию остальных протекторатов, Восточные территории и сам Высокий Град были очень популярны у особого рода туристов. Искушенных отдыхом жителей первого мира влекла возможность пожить пару дней без оглядки на социальный рейтинг. Несомненное преимущество Территории Восточных протекторатов, кроме отличающей их цивилизованности — здесь можно было приобрести все то, что в Европе покупать было нельзя без учета в рейтинге. Наличные деньги для обычных людей уже давно исчезли из обращения в первом мире, здесь же это не было препятствием — осуществить покупку помогали проводники.

— Здорово, — присел напротив парня за стол Мустафа.

Олег приветственно кивнул. Именно Мустафа сегодня будет расплачиваться по счетам там, где это можно сделать, а также договариваться об оплате там, где нельзя сделать это напрямую.

Мустафа жил на гарантированное пособие, что обязывало его проводить не менее восьми, но не более двенадцати часов в вирте ежедневно. Из-за гарантированного пособия и регистрации в Южных у него не было причин бояться за свой социальный рейтинг — ниже уже некуда, дальше только отказ от пособия и криминал. Зато именно в вирте он смог, не без помощи многочисленных родственников, устроиться на работу в «Метелицу», поэтому у него был достаточно высокий рейтинг, чтобы появляться даже в Восточном районе Высокого Града.

— Ты в курсе происходящего?

— Инфантилы, двое вроде, — сморщился Мустафа.

К жителям первого мира отношение на территориях протекторатов было своеобразное. Смесь ненависти и презрения — эти люди, чьим единственным достоинством было лишь место рождения, имели в жизни то, о чем любой негражданин мог только мечтать. Здоровье, красоту, социальное обеспече-

ние, безусловный доход, позволяющий просто жить и наслаждаться жизнью. В то же время инфантилы находились словно в золотой клетке, будучи ограничены во многом социальным рейтингом. И, появляясь на территориях, они словно погружались на глубину к акулам под защитой своей блестящей и дорогой клетки.

— Кто, откуда? — поинтересовался Олег.

— Двое, больше ничего не знаю, — покачал головой Мустафа.

— А больше и не надо. — Степа появился неожиданно. Удивительная его способность, учитывая, что сам он большой, широкий и громкий.

— Докладываю, други. Два белых гражданина, из Франции.

— Поганые лягушатники, — произвольно вырвалось у Мустафы.

— Хотят очень много всего посмотреть и попробовать, — даже не обратил внимания Степа, — начинаем предположительно с Ямы, дальше как пойдет. К шлюхам их точно ведем, также возможны прогулки под луной и прочие незабываемые приключения. Наши гости уже готовы выезжать из отеля, явку подтвердили, поэтому, Мустафа, — подражай извозчика.

— Сколько?

— Часов шесть минимум, вполне вероятно, что на всю ночь. Доставка туда-обратно. На КПП желательно договориться — я сегодня только на «SE4» смогу, это другой конец географии. По деньгам таксисту — для начала полтинник. Дальше как сложится.

Кивнув, Мустафа поднялся и пошел к группке земляков в углу зала — искать машину. Настоящих таксистов, конечно, там не было — все городские службы такси эксплуатировали беспилотные автомобили, но в Южных очень редко можно было увидеть их стандартную желтую окраску. Один из самых популярных и почти легальных способов заработка в Южных — конечно, после обмена кредитов на натуру — частный извоз. Им и промышляла значительная часть обитателей, не обремененная обязательным виртом, идущим в связке с минимальным гарантированным пособием.

Олег проводил Мустафу взглядом и посмотрел на Степу. Тот встрепенулся.

— Сегодня ночь возможностей, Олега — если получится, с этих пассажиров можно срубить столько, что триста на рыло мелочью покажутся!

Глаза Степы горели энтузиазмом. В душе Олега, правда, отражения он не нашел — все его мысли заполняла черная тоска. Но парень, надо отдать ему должное, не показывал своих чувств и сосредоточился на деле.

— Ты их знаешь?

— Да, я одного из них уже водил два раза. Но без особых изысков — только у нас, в Восточном. Он распробовал, так что сегодня они заряжены по полной, а с деньгами у них полный порядок.

— Нас только трое?

— Этого мало?

— Я для информации.

— У тебя отец дежурит сегодня?

— Нет.

— А как-то он может...

— Степа, нет. Не может.

Вышло резковато.

— Окай, окай, май ангри гай. — Степа внимательно посмотрел на Олега, но спрашивать ничего не стал. — Ладно, через Мустафу пробьем — зафиналить их по-любому надо бы.

«Зафиналить» — означало после расставания и расплаты подогнать возможность подзаработать и полиции, когда туристы провоцировались на мелкое правонарушение и расставались с немалой суммой денег в обмен на отказ от составления протокола.

Олег на ремарку Степана кивнул, отвернувшись, стараясь выглядеть невозмутимо. Напарник на его состояние внимания больше не обращал, копаясь в Сети и решая задачу по поиску сговорчивых патрульных, готовых прибыть на запах денег ближе к утру.

— Степ, зачем тебе все это? — Мысли старающегося отвлечься Олега забрели в самом неожиданном направлении.

— Не понял...

Олег знал, что Степан стараниями отца поступил аж в императорскую гимназию в Петербурге, но после второго курса приехал в Волынский протекторат — место, где родился, как волонтер Красного Креста. Здесь и остался, обитая на территории уже почти два года.

— У тебя бабушка в Екатеринодаре, отец в киевской администрации, мать с отчимом в Швейцарии. Мог бы давным-давно уже уехать отсюда и жить как человек. Зачем ты здесь?

— Сын-червяк спрашивает отца: «Пап, ты в яблоках жил? — Жил. — И как там? — Прекрасно. — А в апельсинах? — Вообще рай! — Пап, а чего мы сейчас в дерьме живем? — Есть такое слово, сынок, — Родина, — быстро проговорил Степа анекдот и коротко заржал.

Олег даже не улыбнулся, Степа, глядя на него, тоже перестал смеяться.

— Окай, окай. А ты думаешь, почему тебя отец еще отсюда не отправил?

— Кому я нужен в Европе?

— Россия тебя чем не устраивает?

— У отца там не все ладно, ты же знаешь.

— Олега, друг. Ты же не тупой, честно. Я правда не считаю чужие бабки, но, между прочим, отец вкладывает в тебя каждый год столько денег, что за глаза хватило бы сострять целую грядку родственников, даже московских, и пойти по программе возвращения соотечественников; ты не думал об этом?

«Вкладывал», — мелькнула с горечью мысль. Но, несмотря на тоску утраты, Олег встрепенулся — об этом он как-то не думал. Действительно, кроме оплаты образования в центре подготовки, на которое парень худо-бедно зарабатывал сам в вирте, все свои заработки отец вкладывал в дополнительное образование сына. И сумма ежемесячно получалась более чем серьезная. Конечно, на зарплату простого патрульного подобного обеспечить он бы не смог, но его официальный оклад не шел ни в какое сравнение с неофициальными подработками. Без которых оплачивать полное образование Олега возможности никакой бы не было.

— Кому мы там нужны, Олега? — между тем продолжал Степа. — Вот приеду в Европу — хоть к трансам, хоть в Союз, и что? Гением родиться не повезло, так что кем я там — массажистом пойду, старперам передергивать? Или официантом? А свое дело с нуля начинать — так окупаемость после выплаты кредита только моим детям светит, и то не факт. Двадцать лет в загоне прожить, чтобы начать получать хоть какой-то доход? Который к тому же мне в любой момент из налоговой перекрыть могут, еще и дело вшить? А с рейтингом что делать — за развлечениями на Территории кататься? Так смысл тогда отсюда уезжать?

— В России с рейтингом гораздо проще. Тем более в Вольных княжествах.

«Вольные княжества. Те самые автономные территории по границам Конфедерации, даже на политической карте отличающейся цветами от метрополии», — сделал я себе отметку.

— Окай, май стьюпид гай, — продемонстрировал Степан губами дребезжащий звук, даже закатив глаза от непонятливости собеседника. — Проще, не спорю. То есть даже в Вольнице ты спокойно идешь такой в центр развития и покупаешь себе программу адаптации тела под возможности своего арена-перса? Не, ну купить ты ее, может, и купишь, но что фээсбэтменам расскажешь, которые тебя из разгонной капсулы сразу вынут?

— А... да уж нашел бы, что сказать.

— Ага, нашел бы... — глумливо передразнил Олега Степан. — А зачем? Зачем что-то придумывать и влиять, если здесь ты и так можешь делать то, что считаешь нужным, без необходимости отчитываться перед кем-либо? Здесь окно возможностей шире, понимаешь? Да, если доживу, дети мои будут в первом мире жить и учиться, но для того чтобы они жили хорошо, стартовый капитал и даже титул я собираюсь заработать здесь.

— Мужчины, сорян, что прерываю, но, может, уже начнем? Зарабатывать. — Мустафа уже стоял за спиной Степы в ожидании. — Карета подана.

ГЛАВА 4

В салоне древнего минивэна стоял густой дух благовоний и арабских напевов. Везде, где можно, висела ткань с бахромой, а на торпедо было несколько проекций, изображающих гордых муджахидов с АК-43, а также Мечеть Парижской Богородицы.

Олег зарубился бы на любую сумму, что Мустафа специально для спесивых французов нашел подобного извозчика, ностальгирующего по Нарбоннскому халифату шестьдесят восьмого. В ходе ликвидации которого и возник Трансатлантический франко-испанский союз; в большинстве цветных гетто протекторатов население до сих пор искренне верило, что совсем чуть-чуть не хватило, чтобы старая Европа пала под натиском халифата.

Таксист, судя по стеклянным глазам, был не первый день под веществами. На его профессиональных навыках, впрочем,

это не отражалось — машина в безаварийном стиле ехала туда, куда надо, а большего от него и не надо было.

Из всех троих сильнее всех волновался Олег — его, заряженного обманкой и оружием сразу по нескольким статьям, серьезно беспокоил проезд через КПП в Южные. Мустафа на вопрос только рукой махнул — не волнуйся, мол, все под контролем.

Я же в это время, абстрагировавшись от волнения парня и наблюдая за происходящим со стороны, стоило лишь взгляду Олега скользнуть по Степану, пристально всматривался в обманчиво-добродушного пухляка.

Олег, в теле которого я оказался, удивил, несмотря на возраст. Этот худощавый, даже щуплый паренек обладал весьма незаурядными способностями — чего стоит только ясность мыслей при расчетах будущего. И даже, несмотря на тяжелую потерю, его спокойная работа с обманками. При всем при этом Олег не замечал очевидного — того, что Степа его банально и беззастенчиво использует, впрочем, как и Мустафу, подставляя вместо себя. Только один Степан находился на территории кварталов легально — как волонтер Красного Креста, и не нес никакой ответственности за происходящее. При этом получая еще и максимальную прибыль — я не верю, что доход от туристов он делит по-честному.

Пока я размышлял, поражаясь удивительной доверчивости одного и наглости другого, машина заехала в глухой переулок. Минута ожидания — и с другой стороны улицы появилось приземистое желтое такси — официальное. Наш извозчик, игнорируя возмущенно замигавший индикатор нарушений ПДД, подъехал почти вплотную к дверям такси. Оба туриста под приветственные и громкие возгласы Степана быстро пересели в микроавтобус, и извозчик тронулся, напоследок показав датчику парковки интернациональным жестом средний палец. Желтое такси осталось на месте в ожидании возвращения туристов.

— Меня вы уже знаете, это Олег, это Мустафа, — заговорил между тем Степа. — Парни, знакомьтесь, это Жан, это Жак.

Олег, обернувшись на туристов, кивнул. Оба были невысокого роста, темноволосы и кучерявы — типичные французы. Олега и Мустафу они наградили отстраненно-заинтересованными взглядами жителей первого мира, приехавших посмотреть на папуасов. Извозчика Степан представлять не стал, но тот вообще мало внимания обращал на происходящее.

— Господа, прошу вас, — протянул туристам Степа очки точь-в-точь как те, которые были на Олеге, — обязательный предмет гардероба жителей протекторатов.

— Это же не балаклава? — продемонстрировал эрудированность тот, которого Степа назвал Жаком.

— За балаклавой вам в исторический музей — мы тут не настолько технологически оторваны, — рассмеялся Степа.

Олег отвернулся, вглядываясь в окно — парень удивлялся, как свободно Степа общается с людьми. Судя по обрывкам мыслей, которые я выхватывал, паренек, кажется, при всей своей цепкой хватке был нелюдимым и даже стеснительным.

— Активная защита, все работает? — поинтересовался Жак, примеривая аксессуар.

— Да, ни одна камера вас не идентифицирует.

Французы, нацепив очки, начали негромко переговариваться, наблюдая за пейзажами за окном. Перевод их беседы Олега сейчас не интересовал. Если бы личная сеть была активна, слушать бы пришлось — встроенный в имплант переводчик автоматически переводит чужую речь, глуша ее для восприятия и передавая вибрацией звуки напрямую. Но личный ай-ди Олега сейчас был заблокирован обманкой, и французская речь отображалась перед глазами бегущей строкой в дополненной реальности.

Олег, нервничая, практически не всматривался в текст перевода — машина подъезжала к КПП, и он все больше нервничал. Несмотря на то что Мустафа был железно уверен в водителе, Олега вид обдолбанного извозчика не вдохновлял. Но, несмотря на его опасения, все прошло благополучно — на КПП оказались полицейские — земляки таксиста, который лишь махнул им рукой и проехал на территорию другого района под шлагбаум без намека на досмотр и даже сканирование.

Французы тут же оживились. Еще бы, посмотреть было на что — после одинаковых серо-бетонных коробок Восточного района Южный поражал контрастом нищеты и криминала. Многочисленные зажегшиеся в ночи вывески — от дешевых ламповых до полноценных голопроекций, соседствовали с щербатыми фасадами, щурящимися выбитыми окнами. В некоторых из пустых проемов мелькали отсветы живого огня.

Одежда шатающихся по улице людей также привлекала внимание: от ярких костюмов чернокожих щеголей и кожи с камуфляжем блатных молодчиков до откровенного рванья и минимума одежд уличных проституток, среди которых встре-

чались как чернокожие обоего пола, так и белые, вконец опустившиеся личности.

Зазвенело стекло, и хлопнули пробки — Степа, открыв пару бутылок с наркопивом кислотно-зеленого цвета, протянул их туристам. В салоне сразу потянуло духом каннабиса. В этот момент машина медленно ползла совсем рядом с одной из проституток. Когда та, одетая лишь в рваные черные колготки и кислотно-зеленого цвета майку, оказалась достаточно близко от машины и попыталась заглянуть в окно, туристы загалдели громче, возгласами выражая отвращение. Но всматриваясь с болезненным любопытством.

— Эй-эй, парни, спокойно, вы со мной! — тут же проговорил Степан, успокаивая их. — Девочки будут не с улицы.

— Ты обещал, Степан.

— Жак, мы с тобой уже давно знаем друг друга. Если я обещал, что сделаю по высшему разряду, — значит, сделаю.

— Это точно будут настоящие русские блондинки? Учти, как в прошлый раз, ты меня больше не проведешь!

— Жак, в прошлый раз были плохие девочки? Нет, вот видишь. В этот раз я договорился, они специально для тебя во время процесса споют «Боже, Царя храни»!

Успокоенные, французы вернулись к осмотру проплывающих за окном достопримечательностей. Извозчик, планомерно накручивающий круги по району, то и дело кидал вопросительные взгляды на Степана. Тот же периодически посматривал расфокусированным взглядом в пространство — в видимый только ему интерактивный интерфейс. После очередного отвлечения он чуть кивнул сам себе и, поймав взглядом таксиста, едва заметно кивнул.

«Готово», — тут же беззвучно шепнул он, обращаясь к Олегу.

Микроавтобус, еще попетляв по улицам, подъехал к Яме — большому торговому центру. Бывшему торговому центру — сейчас этажи флагманского молла Южных районов занимали совершенно разные заведения, все под контролем местных группировок и банд. Здесь можно было как продать практически все, так и купить — от человека и психоактивных веществ до оружия и новой личности.

Машина остановилась максимально далеко от общей парковки, на которой кучковались группы мутных личностей.

— Выходим парни, выходим! — легко выпрыгнул Степа на асфальт, разминая ноги. Олег с Мустафой выбрались следом и застыли, ожидая, пока туристы осмотрятся вокруг.

— Друзья, минутку внимания! — поднял Степа обе руки с раскрытыми ладонями в знак важности произносимого. — Послушайте, это очень важно.

Туристы внимательно слушали.

— Мы сейчас находимся в Южных. Тут не работает глобальная система распознавания лиц, здесь вы не получите штрафа за анонимность действий, и здесь вы можете найти впечатления, какие никогда не найдете дома. Законы первого мира здесь больше не властны над вами, их тут нет. Цена за это — опасность для здоровья и даже жизни, которая стоит здесь не очень дорого. Но! Вы гости, а гостям тут рады. Законов тут нет, но есть простые правила поведения — главное, их соблюдать.

Правило первое и единственное — никуда не отдаляйтесь от меня и делайте так, как я говорю. Если вдруг что, запомните — в Южных работает закон фонаря. Видите, мы стоим в круге света? Если окажетесь вне освещенных улиц, ваше здоровье и деньги подвергнутся большой опасности. Жители Южных очень рады гостям — вы даете им возможность заработать, но большинство из них не откажутся просто забрать не только все ваши деньги, но и органы. В темноте улиц правило гостеприимства Южных не действует.

Чтобы не нарваться на проблемы на ровном месте, ни с кем сами не говорите. Ни с проститутками, ни с вышибалами, ни с барменами. Только через меня — здесь не действует закон, но действуют правила поведения. Нарушать их не надо, а...

— Степан, мой друг, ты повторяешься! Мы все поняли! Давай веди нас навстречу приключениям! — Жак махнул рукой с почти пустой бутылкой. Тут же он сосредоточил внимание на ней и одним большим глотком допил остатки.

— Куда выкинуть? — посмотрел турист на Степана.

— Прямо здесь бросай. Давай-давай, здесь можно не только это!

Видно было, что сознание выбравшегося в чужой и дикий мир Жака сопротивлялось столь кощунственному поступку. За подобное в его системе координат можно было не только штраф схлопотать, но и получить несмываемое пятно в личное дело — француз банально боялся, не в силах перешагнуть через себя.

— Здесь вам не там, — со смехом произнес Степан и, выхватив из рук Жана бутылку, разбил ее об асфальт.

Не завыли сирены, не пришло оповещение на личный терминал — и второй турист, Жак, чуть подумав, вдруг размахнулся и с силой бросил бутылку на землю.

Громкое «Вау!» от обоих французов сопровождало разлетавшиеся осколки. Эмоции у туристов били через край — уже от одного осознания безнаказанности подобных действий сносило крышу, а пары наркопива лишь добавляли радости и счастья.

— Э-э, вы че творите, мрази! — послышался пропитой голос.

К группе приближались две закутанные в лохмотья фигуры. На одном из незнакомцев была замызганная оранжевая жилетка муниципальной службы. Он продолжал говорить сиплым голосом — уже больше непечатными выражениями.

Олег внимательно глянул на французов. Понимали они явно не всё — вряд ли интерпретатор переводчика справлялся с выражениями типа «ща набалдашник вскрою» и «херабора гомдрищенская», но оба туриста были явно испуганы.

— Дружище, дружище, мы готовы все уладить! — закричал Степа, загораживая туристов.

— Я те ща улажу! — не проявил понимания муниципал. Более того, в руке дворника показался выдавший виды кухонный тесак, покрытый ржаво-бурыми пятнами.

Олег был готов к подобному развитию событий — сделав два быстрых шага вперед, он направил на агрессивного дворника пистолет.

— Э, э, ребят, я же ничего, я не против! — тут же попятился тот, и, споткнувшись, едва не упав, бросился прочь. Второй тоже отбежал на десяток метров, но вдруг остановился, с угрожающим воплем потянувшись за пазуху. Моментально грохнул выстрел, и выскочившая из «глока» гильза запрыгала по асфальту. Дворник в жилетке даже не глянул на упавшего товарища, лишь дернулся, ускоряясь в желании как можно быстрее скрыться за помойкой.

— Уходим, уходим! — потянул за собой туристов Степа.

Олег, то и дело поглядывая на недвижимое тело, двинулся следом, убирая пистолет.

— Одно из правил поведения Южных — если на тебя лезут с оружием без предварительного разбора, ты свободен в действиях самозащиты, — пояснял ошалевшим французам Степа, — теперь вы понимаете, что здесь все серьезно? Пойдемте еще пива возьмем, надо стресс запить.

— Он его действительно убил?

— Так просто взял и убил? — на разные голоса вопили туристы.

— Да, взял и убил, что тут такого? — спокойно покивал Степан. — Вон бар, надо еще пива взять.

— Он его убил... — ошарашенно произнес оцепеневший Жак, не в силах сдвинуться с места.

— Слушайте, да здесь постоянно кого-то убивают, что же вы так разнервничались, — голосом любимой бабушки продолжал увещевать Степан, подхватывая французов под руки.

Когда все пятеро входили через двери молла — когда-то автоматические, а сейчас разбитые и навечно застывшие в открытом положении, Олег, идущий последним, оглянулся. Он смог разглядеть, что упавший, якобы получивший пулю и слупивший со Степы за представление пятерку кредитов на двоих с местным дворником, уже поднимался.

После первых глотков алкоголя в баре туристы слегка расслабились. Залив шок наркопивом, они вскоре уже практически безбоязненно взирали на местную колоритную публику. Спокойствия и развязности французам постепенно добавляло осознание, что они здесь не одни пришлые — то и дело в пестрой толпе мелькали жители первого мира, также прибывшие в Яму за развлечениями. Некоторые, уже потеряв контроль, зажигали на танцполе в компании как друзей-подруг, так и местных работниц индустрии отдыха — выглядящих на порядок лучше, чем уличные проститутки.

Пока туристы накачивались наркопивом, приходя в себя, а Степан пел им на уши чудные истории, Олег с Мустафой стояли рядышком, в готовности отшить мутных личностей, если таковые появятся. Но двое туристов в сопровождении адекватных проводников никого не привлекали — благодаря международному ивенту сегодня в Яме было достаточно пассажиров при деньгах и даже без сопровождения.

Слова об опасности, сказанные Степой, были произнесены для настроения и атмосферы. Гостям из первого мира Яма была абсолютно безопасна. Несмотря на всю ненависть к обитателям рая, те несли на территорию деньги — очень большие деньги, и дураков, способных как-то им навредить, не находилось. В случае любого несчастного случая проводилось пристрастное расследование не только полицией, но и теневыми владельцами районов, поэтому страшная участь нескольких идиотов, однажды покусившихся на пришлых, отпугивала потенциальных нарушителей неписаных правил.

Но французы этого не знали и иногда с опаской оглядывались по сторонам. Впрочем, уже через полчаса туристы были вновь готовы к впечатлениям. Мустафа к этому времени исчез — пошел искать зрительские места на арене. Яма не зря так называлась — все самое интересное происходило здесь на трех подземных этажах, бывших когда-то спортивными клубами и помещениями паркинга. И именно за развлечениями нижних этажей и прибыли сюда туристы.

— Степан! Настоящий кровавый спорт, Степан! Ты обещал! — с пьяной настойчивостью повторял Жан, то и дело тыкая в Степу пальцем с французским маникюром.

— Все что обещал, сегодня получите. Если я обещал — значит, я сделаю, — подхватил Степа под руки туристов.

Олег пристроился чуть впереди, во избежание — французы вместе с алкоголем и намешанными в него веществами приобрели бодрость духа и готовность не только к впечатлениям, но и к самостоятельным приключениям, чего проводникам было совершенно не нужно.

До Арены Ямы добрались быстро — спустившись по пандусу на нулевой этаж, прошли по коридорам и оказались в помещении бывшего фитнес-клуба. Здесь в части пола была с некоторой долей аккуратности пробита огромная дыра, как раз под размер бассейна, находившегося этажом ниже. Арена-бассейн, в котором со времени тестовой прогонки при постройке здания не появлялась вода, была закрыта куполом из пуленепробиваемого стекла. Для антуража в получившейся чаше были установлены парочка рифленых транспортных контейнеров, старый погрузчик, несколько штабелей из деревянных ящиков и палет. Кафель на стенах во множестве мест был выщерблен пулевыми отметинами, на полу виднелись застарелые бурые пятна. Особенно привлек туристов тянувшийся широкий след, теряющийся за одним из входов.

На экраны Арены транслировалась информация о предстоящих сегодня поединках. Время высорейтинговых боев еще не пришло, но Степа с туристами начал бурное обсуждение участников и коэффициентов ставок. Туристов рейтинг бойцов не интересовал совершенно — они впервые вживую присутствовали на кровавом спорте и сильно возбудились от осознания предстоящего действия. Очередная дуэль ожидалась совсем скоро, и туристы пожелали попробовать удачу в ставках.

— Мустафа! Друг мой, ставочку сообрази! — обернулся Степа, на котором двумя пьяными бесами висели французы.

— Сколько?

— Жак — сотню на красного, а Жан — сто десять на синего.

«Сто, мать его, десять!» — прочел я удивление мелочности туриста в глазах Мустафы, прежде чем тот отправился к терминалам букмекерской конторы.

На Арене между тем в ближнем, синем, углу появился один из бойцов, разминаясь. Это был невысокий парень в деловом костюме и с выдавшим виды пистолетом-пулеметом в руках. Появление поединщика зрители встретили приветственным гомоном.

Олег — и я вместе с ним, коротко всмотрелся в незнакомо-го бойца. Лицо с нездоровой кожей, не первой свежести мешковатый костюм, явно надет для пущего антуража. Реальный персонаж разительно отличался от того белого воротничка с нулевым пока рейтингом, который надменным взглядом взирал на зрителей с экранов. Наверняка новичок из Южных или даже из трущоб, подписавший с промоутером контракт сразу на несколько боев, чтобы счета семьи оплатить. А может, просто в банде первую кровь попробовал и на кураже шальных денег захотелось.

— Олега! — На этот раз Степа легко освободился от настойчивых туристов — оба француза направили все свое внимание на человека, которому сейчас предстояла смертельная схватка. Степан подошел к Олегу и заговорил ему прямо в ухо, прикрывшись ладонями — чтобы туристы не слышали: — Олега, эти дятлы себе хотят девочек первого класса — русских блондинок, ты слышал, наверное, а еще мальчика. Мальчика желательно большого, черного и полноприводного обязательно. Сделай прямо сейчас, а то я смотрю, сегодня в Яме народа столько, что потом придется этим доказывать, что третий сорт — не брак.

— Ты один тут как, справишься? Может, Мустафу дождаться?

— Да нормально все, они ручные, я думал, хуже будет.

— Ладно, я пошел.

— Давай, братиш, не подведи.

Кивнув, Олег направился к выходу, где аккуратно просачиваясь, а где проталкиваясь через прибывающих зрителей — в зависимости от их статуса. Покинув по пандусу нулевой этаж, он поднялся по широкой лестнице на второй. Здесь в од-

ном из крыльев молла располагались бордели — в парочке витрин танцевали местами одетые работницы индустрии плотских развлечений, некоторые заведения не поскупились на голограммы в человеческий рост. Стены везде были украшены граффити разного качества, изображающих в большинстве случаев женщин разной степени одетости.

Олег прошел мимо нескольких заведений, игнорируя зазывающие оклики и даже стряхнув с себя парочку настойчивых рук. Он направлялся в «Лядскую обитель» не только потому, что это заведение выделялось антуражем — все девочки и мальчики заведения носили униформу, намекающую на принадлежность к служителям церкви. И не столько потому, что качество услуг в Лярве, как ее называли по-простому, отличалось в лучшую сторону от большинства местных борделей — не считая заведений третьего этажа, конечно. Олег шел туда, потому что знал в этом заведении всех администраторов, и это позволяло заработать лишних кредитов, которые, как известно, никогда не лишние.

Зайдя в небольшую дверцу, охранявшуюся двумя бугаями в инквизиторских балахонах, под которыми угадывалось спрятанное оружие, Олег оказался в огромном помещении с высокими арочными сводами. Сразу же его окружило пространственным звучанием приятной мелодии, поодаль послышался мелодичный смех привлекательных «смоковниц»; одна из них, приветливо махнув рукой, скрылась на балконе, с которого открывался невероятный вид скалистого берега моря.

Естественно, помещение борделя было не настолько большим, да и моря за балконом нет — эффект достигался установленными голоэкранами.

— Приветствуем тебя в нашей обители, путник! Желает ли ты... — буквально полился в уши бархатный голос. Впрочем, почти сразу дежурный оттенок голоса изменился: — Олега, привет! Ты ко мне по делу или мы наконец-то с тобой покувыркаемся, мой сладкий?

За стойкой администратора, стилизованной под окружающий антураж, сидела Зоряна. Впрочем, она уже стояла, профессиональным жестом уместив грудь на стойке так, что та была вот-вот готова выпрыгнуть из тугого корсета.

— По делу, — стараясь смотреть девушке в глаза, кивнул Олег.

Они с Зоряной когда-то учились в одном классе средней школы. Потом Олег перешел в высшую, а Зоряна нет — ее отец

потерял работу и не смог оплачивать обучение. Теперь девушка работала в Лярве и оплачивала не только обучение своей сестры, но и расходы на жизнь отца.

— Олежек, сладкий, ну что ты все по делу да по делу? Может, все-таки договоримся? Я уж, так и быть, поработаю специально для тебя. И скидочку сделаю!

Олег только покачал головой. Но я уловил тень его мысли о том, что в других условиях он не стал бы вот так прерывать разговор.

— Тебе жалко пятьдесят шесть кредитов на свою школьную любовь? — кокетливо улыбнулась Зоряна.

— Пятьдесят шесть? Ты меня по туристическим расценкам, что ли, считаешь? — не мог не переспросить Олег.

— А по каким еще тебя считать? Ты же у нас белая кость, из Восточного района.

— Зорь, за пятьдесят шесть кредитов меня в вирте половиной вашей богадельни ублажать будет.

— Так это же в вирте, сладкий, — покачала головой девушка.

Зоряна еще в средней школе была предметом вожделения для мужской половины класса. Вот только она уже в то время цену себе знала и в ответ на искренние ухаживания влюбленного парня только посмеялась.

После того как в квартиру семьи Зоряны постучались адаптанты, одним росчерком пера опустив несколько человек на социальное дно, девушка оказалась на панели, но не потерялась и здесь. Быстро поднявшись до администратора и прекратив торговать телом, последние полгода Зоряна провела за стойкой борделя как старший администратор, постепенно прибирая к рукам молодых девочек и понемногу забирая каналы мелких наркочилеров.

В Лярву в это время зашло еще несколько человек, сразу перехваченных дежурной девочкой, которая повела их в зону ожидания, выразительно зыркнув на Зоряну.

— Ну, не хочешь — как хочешь, — сразу изменила девушка тон на более деловой. — Рассказывай, сладкий, только быстро.

— У нас со Степой два европедика в попутчиках, надо исполнить их по максимуму. Хотят двух блондинок русских — только чтобы без обмана, и одного черного, чтоб большой был и заднеприводной при необходимости.

— Где я тебе двух блондинок со знанием русского найду?

— Мне в другое место идти?